

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОЙ ЕВРАЗИИ

К. ХЕРПФЕР¹⁾, К. А. КИЗИЛОВА²⁾

¹⁾Венский университет, Universitätsstrasse, 7, A-1010, г. Вена, Австрия

²⁾Институт сравнительных социальных исследований «Евразийский барометр»,
Paniglgasse, 17/7, A-1040, г. Вена, Австрия

На основе исследования «Всемирный обзор ценностей» анализируется динамика различных форм социального капитала в странах Содружества Независимых Государств в 1991–2014 гг. Исследуется воздействие этого феномена на развитие переходных обществ, в частности на эволюцию экономической и политической систем, становление гражданского общества. Описаны основные теоретические подходы к определению понятия «социальный капитал» и его влияние на социальную, экономическую и политическую сферы. Характеризуются имеющиеся методологические подходы к измерению этой категории. Приводится анализ данных, а также результаты расчетов и выводы относительно динамики уровня социального капитала в переходных странах.

Ключевые слова: социальный капитал; эмпирические индикаторы социального капитала; социальные группы; доверие; социальные нормы; членство в общественных организациях.

SOCIAL CAPITAL AS FACTOR OF SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL DEVELOPMENT OF EURASIA POST-SOVIET COUNTRIES

CH. HAERPFER^a, K. A. KIZILOVA^b

^aThe University of Vienna, Universitätsstrasse, 7, A-1010, Vienna, Austria

^bThe Institute for Comparative Survey Research «Eurasia Barometer»,
Paniglgasse, 17/7, A-1040, Vienna, Austria

The World Values Survey results are used to analyze the dynamics of various forms of social capital in the CIS countries in 1991–2014. Analysis is given to the impact of the given phenomenon on the development of transitional societies, in particular on the economic and political systems' evolution, formation of civil society. Described are the main theoretic approaches to defining the concept «social capital» and its impact on the social, economic and political sphere. The existing methodological approaches to define the category are characterized. The data analysis, calculations and conclusions about the dynamics of the level of the social capital in transitional countries are cited.

Key words: social capital; empiric indicators of social capital; social groups; confidence; social norms; membership in social organizations.

Введение

Последние несколько десятилетий социальный капитал (далее – СК), как теоретический концепт и объект эмпирического исследования, занимает одно из центральных мест в социологической науке. Согласно определению, разработанному

Образец цитирования:

Херпфер К., Кизилова К. А. Социальный капитал как фактор социально-экономического и политического развития стран постсоветской Евразии // Социология. 2016. № 1. С. 17–38.

For citation:

Haerpfer Ch., Kizilova K. A. Social capital as factor of socio-economic and political development of Eurasia post-Soviet countries. *Sociologia*. 2016. No. 1. P. 17–38 (in Russ.).

Авторы:

Кристиан Херпфер – профессор политологии факультета социальных наук.
Ксения Александровна Кизилова – заместитель директора.

Authors:

Christain Haerpfer, professor of political science, school of social science.
Kseniya Kizilova, vice-director.
ksenniya.kizilova@gmail.com

в рамках исследовательского проекта Всемирного банка (англ. *The World Bank*), СК представляет собой совокупность институтов, отношений и норм, обуславливающих качество и количество социальных взаимодействий в обществе [1]. Постоянно растущий интерес к изучению данного феномена вызван его большим потенциалом в объяснении многих явлений и процессов общественной жизни: результаты ряда исследований подтверждают важность социальной сплоченности общества для его устойчивого социально-экономического развития. В частности, СК рассматривается как переменная, оказывающая значительное влияние на экономическую производительность и показатели функционирования национальной экономической системы [2, 3]. Также существенно отличающиеся в странах постсоветской Евразии результаты перехода от централизованной планируемой экономики к рыночной могут быть объяснены в том числе различным уровнем и недостаточным запасом СК в постсоветских обществах [4]. СК повышает политическую вовлеченность населения и способствует реализации коллективных действий в рамках сообществ, что, в свою очередь, облегчает артикуляцию гражданами своих требований и обеспечивает мониторинг соответствия проводимых реформ этим требованиям [5]. Помимо того, СК может способствовать более эффективному взаимодействию и сотрудничеству субъектов политической системы. В некоторых исследованиях обосновано положительное влияние высокого уровня СК на снижение уровня преступности, улучшение состояния здоровья населения. Ряд исследователей и теоретиков отмечают, что отсутствие полноценно развитого, активного гражданского общества является следствием низкого уровня СК [6].

Указанный показатель зависит от ряда факторов социально-экономического, культурного и исторического развития [5, 7, 8]. Доверие и нормы взаимности, повышающие эффективность коллективных действий, являются элементами культуры, которые формируются и передаются из поколения в поколение. Многие теоретики отмечают, что наследие марксистско-ленинской идеологии может препятствовать росту СК в постсоветских странах [9, 10]. Анализируя данную категорию в переходных обществах, Р. Роуз и К. Херпфер отмечают, что коммунистическая система поощряла создание неформальных сетей и связей между людьми, служивших элементом защиты от государства и механизмом по нахождению путей обхода различных его решений [11]. Таким образом, наследие коммунизма оказывает двойное влияние на состояние уровня СК в постсоветских обществах. С одной стороны, индивиды обладают высоким уровнем межличностного доверия и имеют обширные сети неформальных горизонтальных контактов. С другой стороны, уровень доверия к формальным институтам, прежде всего государственным, остается сравнительно невысоким, что негативно влияет на развитие СК в странах СНГ в эпоху независимости.

Период общественных трансформаций в 1990-е гг. в постсоветских странах также неоднозначно отразился на уровне их СК. Специфическая черта постсоветского перехода заключается в тройственном характере изменений: имеет место не только политическая трансформация тоталитарного режима в плюралистическую демократию, но и преобразование плановой экономики в свободную рыночную, а также реформирование социетальной системы в направлении гражданского общества со свободными ассоциациями. Сам переходный период, сопровождающийся серией социальных, экономических и политических кризисов, способствовал большей индивидуализации и изоляции индивидов, что также негативно сказывается на уровне СК. Эти особенности в жизни постсоветских стран схожи с теми, которые Р. Патнэм указывал в отношении США второй половины XX в. [12].

Пути развития стран постсоветской Евразии в последнее десятилетие трансформаций более гетерогенны: стабилизация режимов в Беларуси, России и Азербайджане способствовала росту доверия населения к социальным и политическим институтам в этих государствах. В то же время активизация гражданского участия населения в Грузии, на Украине отразилась на других показателях СК (например, членство в гражданских организациях и плотность сетей социального взаимодействия).

Концепция СК в общественных науках

Теоретические основания изучения СК восходят к социально-экономическим и социологическим теориям. К первой группе можно отнести концепции классической политической экономии, в частности теорию капитала как производительного ресурса экономической деятельности, получившую обоснование в работах А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса, Л. фон Мизеса и др. Вторая группа представлена социологическими теориями социальной системы, в которых структура рассматривается как источник принципиально новых, эмерджентных свойств системы взаимодействия. Так, Э. Дюркгейм рассматривал общество как систему, состоящую из социальных фактов или социальных структур, выполняющих ряд функций. Групповая жизнь, по Э. Дюркгейму, является противодействием аномии и самоуничтожению, в частности самоубийству. М. Вебер определял социальное действие как акт, имеющий некий субъективный смысл, который соотносится с поведением других лиц или ориентируется на них. Возникновению теории СК во многом способствовала разработка в 1960-е гг. концепции человеческого капитала Г. С. Беккера, Г. Дж. Джонсона, Т. В. Шульца, а также работы Г. Лоури и Дж. Джейкобс.

Развитие теории СК как самостоятельной концепции началось в 1980-е гг. Первый систематический анализ нового понятия был проведен П. Бурдьё, который определял этот феномен как совокупность действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или институционализованные отношения взаимных обязательств и признаний [13]. В своих теоретических построениях ученый опирается на принципиальное отличие источников СК от других его форм: если финансовый или человеческий капитал является достоянием отдельных экономических субъектов, то СК, который возникает в системе отношений, связывающих многих субъектов, доступен индивиду до тех пор, пока он остается субъектом таких отношений.

СК, по определению П. Бурдьё, является частным благом, которое может быть конвертировано в культурный капитал, определенный уровень дохода, благосостояния или символический капитал, обозначающий социальный статус. Таким образом, объем СК индивида является одним из важнейших составляющих его власти в обществе. При этом П. Бурдьё отмечает, что социальная сеть не дана изначально, а должна быть сконструирована через институционализацию групповых взаимодействий и требует постоянного возобновления. То есть необходимым условием функционирования СК являются постоянные материальные или символические обмены между членами сети, подтверждающие близость акторов, их принадлежность к этому социальному кругу.

Дж. Коулмен основывает свое понимание СК на эмпирической традиции американской социологии (антропологических исследованиях социальных сетей, сельской и городской социологии). Он также подчеркивает преимущества СК для личности или сети людей. Дж. Коулмен характеризует этот феномен следующим образом: функция, которая определяется понятием СК, представляет собой ценность аспектов социальной структуры для акторов в качестве ресурсов, которые они могут использовать для достижения своих целей [14]. СК является общественным благом, но создается свободным и рациональным индивидом для достижения собственных выгод. Этот процесс предполагает наличие социального договора, набора социальных норм, социальных обменов, а следовательно, и базового уровня доверия. Дж. Коулмен выделяет следующие формы СК: обязательства, ожидания и надежность структуры; информационные каналы; внутригрупповые нормы и эффективные санкции.

Исследования Р. Патнэма ознаменовали смещение акцента в анализе СК с трактования его экономической функции на объяснение его природы как общественного блага. Ученый определяет СК как характеристику общества в целом и считает, что по аналогии с понятиями физического и человеческого капиталов (средств и навыков, улучшающих индивидуальную производительность) СК относится к характеристикам социальной организации, в частности социальных связей, норм, доверия [5].

Согласно теории Р. Патнэма, СК возникает на основе активных взаимосвязей между индивидами, в пределах которых доверие и общие ценности связывают

членов сетей и сообществ, создают условия для совместного действия и упрощают его. Благодаря СК в обществе утверждаются определенные образцы взаимодействия, которые повышают эффективность функционирования социальных институтов. СК имеет тенденцию аккумулироваться в течение длительных исторических периодов. Ученый измеряет этот показатель с помощью таких индикаторов, как интенсивность и сила контактов, членство в общественных объединениях, электоральная активность, соблюдение норм взаимности, чувство безопасности, доверие соседям, социальным и политическим институтам [12].

Р. Патнэм также ввел первую типологию СК. Она предполагает наличие объединяющего (англ. *bonding*) и интегрирующего (англ. *bridging*) СК. Под первым исследователь подразумевает культурные нормы и элементы социальной структуры, поддерживающие солидарность и единство отдельной группы; под вторым – нормы и структуры, обеспечивающие интеграцию группы в более широкий социальный контекст. Оба вида СК необходимы для успеха группы, так как низкий уровень объединяющего СК приводит к распаду группы, а низкий уровень интегрирующего – к распространению сепаратистских тенденций и сегрегации [5].

Ф. Фукуяма строит свою концепцию СК вокруг понятия доверия. Он определяет доверие как ожидание постоянного, честного, ориентированного на совместные ценности поведения со стороны других членов сообщества. Превалирование доверия в обществе порождает СК. Доверие, а значит, и СК Ф. Фукуяма считает главным фактором национального благополучия и конкурентоспособности на международной арене. В качестве специфических черт СК исследователь называет механизмы его воспроизводства, реализующиеся через религию, традиции и исторический обычай [15].

М. Вуллок создал всестороннюю многоуровневую модель СК. Последний им определяется как информация, доверие или нормы взаимности, принадлежащие к социальной сети индивида. М. Вуллок концептуализировал представление о вертикальном компоненте СК, добавив к существующей дихотомии (объединяющий/интегрирующий) третье измерение – вертикально-интегрирующий (англ. *linking*) СК. Главным его свойством является то, что он создает возможности для взаимодействия, основанного на доверии и уважении между индивидами, представителями местных общин и другими корпоративными агентами в рамках определенного гражданского общества, а также за его пределами [16].

Р. Инглехарт определяет СК как культуру доверия и толерантности, в которой возникают обширные сети добровольных ассоциаций [17]. Он отмечает, что эти сети формируются в результате способности людей доверять друг другу скорее, чем доверие формируется как побочный продукт этих ассоциаций. Индивиды, которые доверяют друг другу, взаимодействуют для создания ассоциаций – начиная с хоров и спортивных групп и заканчивая профессиональными сообществами. Р. Инглехарт соединяет элементы в причинно-следственную цепочку несколько иначе, чем Р. Патнэм, определявший СК как черты общественной жизни (сети, нормы, доверие), которые облегчают сотрудничество и координацию для взаимной выгоды. Таким образом, определение СК Р. Патнэмом делает невозможным использование этого термина для построения причинно-следственной связи между тремя элементами – сетями, нормами и доверием.

Определения СК, разработанные позднее, включают в себя описания различных видов, измерений и компонентов этого феномена. Так, Я. Нахапиец и С. Гошал различают три измерения СК – структурное, реляционное и когнитивное. Они определяют СК как сумму актуальных и потенциальных ресурсов, которыми владеет индивид или социальная единица. СК, таким образом, включает как саму сеть, так и активы, которые можно мобилизовать посредством данной сети [18]. Д. Ноук определяет СК как процесс, с помощью которого социальные акторы создают и мобилизуют сеть связей между организациями и внутри них, чтобы получить доступ к ресурсам других социальных акторов. Д. Брэм и В. Ран считают, что СК – это отношения кооперации между гражданами, которые способствуют решению проблемы коллективного действия [19]. П. Пэкстон концептуализировала понятие СК иным образом, заявив, что он состоит из двух компонентов – объективных ассоциаций между индивидами и субъективных по своему характеру связей,

которые должны быть взаимными и доверительными. Первый компонент измеряется с помощью трех переменных, характеризующих членство в различных организациях, а второй – посредством изменения уровня генерализованного доверия и доверия к социальным и политическим институтам [8].

Несмотря на наличие множества теоретических подходов и определений, большинство исследователей в качестве основного элемента СК рассматривают прежде всего социальные связи (социальные сети), которые необходимы для обмена информацией и установления договоренностей между индивидами. Вторым общепризнанным элементом СК являются *социальные нормы*, или *нормы взаимности*. А. Портес и Р. Патнэм акцентируют внимание на нормах взаимности как на виде взаимодействия индивидов, основанном на вере в то, что за все усилия или услуги им будет отплачено тем же. Нормы взаимности поощряют сотрудничество, превращая индивидов из корыстных эгоцентриков в полноценных членов общества, которым близки общественные интересы [20]. Третьим важным элементом СК выступает *доверие*. Согласно принятой классификации различные виды доверия могут соответствовать вертикальному СК (доверие социальным и политическим институтам, политическим и общественным деятелям, организациям) и горизонтальному СК (доверие людям). В структуре последнего также можно выделить несколько уровней, которые соответствуют так называемым кругам доверия (доверие членам семьи, друзьям, соседям, коллегам, другим членам общества, людям в целом).

Мы же предлагаем трактовать СК как набор качественных характеристик системы социального взаимодействия (норм, правил, социальных связей, доверия), способствующих повышению его эффективности. Социальное взаимодействие следует рассматривать на микроуровне (на уровне индивида), на уровне социальной группы (СК внутри группы, СК группы в обществе) и на макроуровне (на уровне общества в целом). Подобно другим формам капитала (культурного, финансового) СК является накопительным ресурсом: возникновение этой характеристики сопряжено с историческим и культурным развитием общества. При этом для накопления или увеличения СК требуется весьма значительное время: чтобы произошли изменения в системе социального взаимодействия, должны установиться или модифицироваться социальные нормы, необходимы высокий уровень доверия к социальным и политическим институтам, новые типы ассоциаций.

Структуру СК составляют следующие элементы:

- существующий уровень доверия (межличностного и институционального);
- межличностное доверие, реализуемое в неформальных социальных сетях (доверие членам семьи, друзьям, знакомым);
- генерализованное доверие (доверие людям в целом);
- институциональное доверие (доверие социальным и политическим институтам);
- членство в свободных ассоциациях, реализуемое в формальных социальных сетях (членство в различных типах общественных организаций);
- социальные нормы (признание и распространенность норм взаимности).

Говоря о структуре СК, мы будем подразделять множество его форм на две основные группы: формальный (или вертикальный) и неформальный (или горизонтальный) СК. Первый характеризует включенность индивида или группы в социальную структуру общества и определяется показателями институционального доверия, членства в общественных организациях, принятия существующих в группе или обществе социальных норм. Второй обозначает степень принадлежности индивида к социальной среде и определяется размером и плотностью социальных сетей (наличие и характер связей) и уровнем межличностного доверия (доверие членам семьи, друзьям, знакомым). На уровне группы неформальный СК характеризует степень ее сплоченности. Отметим, что генерализованное доверие и членство в общественных организациях являются пограничными формами и могут быть отнесены как к формальному, так и к неформальному СК. Определяющими факторами в данном случае будут выступать смысловая нагрузка, возложенная на категорию «генерализованное доверие», и характер членства в общественной организации (добровольное, обязательное или активно поощряемое нормами общественной морали).

Влияние СК на национальное развитие

В различных своих интерпретациях СК обуславливает экономический обмен и рост. Однако механизмы, посредством которых реализуется это влияние, существенно отличаются друг от друга. Согласно Ф. Фукуяме, механизм влияния уровня доверия на состояние экономики страны можно представить следующим образом: общества с высоким уровнем доверия более склонны к созданию добровольных ассоциаций, что обеспечивает возможность создания крупных частных корпораций. Проводя сравнительный анализ обществ с высоким и низким уровнем доверия в плане их экономической эффективности, исследователь доказывает, что успехи стран с более развитой экономикой (Германия, Япония, США) связаны с высоким уровнем доверия и спонтанного товарищества [15].

В модели работающей демократии Р. Патнэма присутствует положительная связь между чувством гражданского долга индивидов, их участием в общественной жизни и эффективностью существующих институциональных механизмов, обеспечивающих выполнение договоренностей. Моральные обязательства инкорпорированы в социальные сети, и их нарушение дорого обходится участникам экономического обмена. Кроме того, гражданское участие способствует соблюдению формальных правил и повышению ответственности правительства, поэтому СК служит дополнением к имеющимся формальным институтам, обеспечивающим и поддерживающим комплексную систему разделения труда. Согласно описанной нами классификации такой тип СК может быть обозначен как формальный. Он является общедоступным независимо от личностных характеристик индивида и близок таким формальным категориям, как юридические права и свободы. Влияние этого типа СК на экономические показатели на национальном уровне во многих странах мира является положительным. В частности, на основании анализа экономического развития Италии и США Р. Патнэм показал, что изменение качества социальных отношений предшествовало экономическому росту [5].

На взгляд П. Бурдьё и Дж. Коулмена, СК также может способствовать экономическому обмену между индивидами, однако это может происходить за счет исключения других. Например, принадлежность к определенному бизнес-клубу может дать преимущества тем, кто обладает достаточным уровнем благосостояния и занимает высокое социальное положение. Однако те же бизнес-клубы могут играть роль непропускного механизма по отношению к потенциальным участникам. Аналогично неясно, всегда ли высокий уровень СК на местном уровне обуславливает пользу для широкого круга общества. В данном случае СК сопряжен прежде всего с наличием обширных личных контактов и поэтому может быть обозначен как неформальный. Его влияние на национальную экономику неоднозначно и может быть как позитивным, так и негативным [21].

Формальный и неформальный СК могут сосуществовать, но не обязательно являются взаимодополняющими. Когда формальные институты слабы, неформальный СК приобретает особое значение. Со временем социальные отношения могут стать более формализованными и плотные локальные неформальные сети могут сосуществовать с высоким уровнем гражданского участия и хорошо развитыми формальными институтами. Тем не менее зависимость от неформального СК, в частности в отношениях с государственными должностными лицами, также может подорвать веру в беспристрастность формальных государственных институтов и вызвать коррозию их функций, что приведет к коррупции, клиентизму и использованию государственного бюджета в личных целях.

Особое внимание в научной литературе уделяется влиянию СК на становление гражданского общества [22]. Последнее интегрирует индивидов и государство посредством промежуточных социальных институтов, которые независимы от государства, но в то же время признаются им. Специфика процесса организации общественных ассоциаций в коммунистических обществах состояла в том, что идея объединения людей чаще всего исходила сверху и не была актом добровольного волеизъявления самих индивидов. Все коммунистические страны пережили этап тоталитарного правления, и даже после суровых репрессий, окончившихся с завершением сталинской эпохи, участие в общественных делах оставалось в определенной мере принудительным и ритуальным. Поэтому люди склонны были

публичной сфере предпочитать частную жизнь (в кругу родственников и ближайших друзей) или же входили в состав небольших групп, занимавшихся культурной деятельностью. Г. А. Алмонд и С. Верба отмечают, что социальное доверие и сотрудничество создают ощущение гражданской компетентности, которая позволяет индивидам использовать свой голос для выбора правительства и поддержания подотчетности и ответственности его представителей [23]. В коммунистических обществах государственные институты воспринимались как чуждые людям, а недоверие к ним стало одним из самых пагубных наследий коммунизма. Преобладание неформальных социальных сетей и отсутствие институционализированных элементов гражданского общества затруднили становление полноценной партийной системы в постсоветских государствах после обретения независимости.

В научных трудах подробно исследуется связь между уровнем СК и развитием политических институтов, становлением правового государства. Согласно наиболее распространенному аргументу, описывающему связь между уровнем СК и эффективностью работы правительства, наличие доверия и норм взаимности между индивидами способствует усилению их сотрудничества и участия в коллективном действии, целью которого является выражение своих предпочтений и требований правительству посредством гражданского участия [2, 24, 25]. Таким образом, на эмпирической ступени должна проследиваться связь между уровнем СК и уровнем гражданской активности, а также качеством работы правительства. Р. Патнэм утверждал, что плотность и количество местных общественных объединений закладывают основы для широкого распространения информации и укрепления доверия, тем самым создавая условия, необходимые для эффективного управления государством [5]. В работах К. Херпфера и Р. Роуза структура постсоветских обществ сравнивалась с песочными часами. В политической системе общества подобного типа отсутствует середина – организации и институты, представляющие интересы населения. Простые люди не чувствуют, что они могут каким-либо образом влиять на власть, однако и правительство не может вмешиваться в их жизнь [11].

Методологические подходы к измерению СК

Многообразие теоретических трактовок СК порождает множество подходов к его измерению. Эмпирические индикаторы этого феномена во многом зависят от принятой теоретической парадигмы или используемого определения СК и чаще всего характеризуют основные элементы СК в обществе (межличностное, институциональное доверие, членство в общественных организациях и ассоциациях, внутригрупповые нормы, санкции и т. д.). Количественное измерение уровня СК осуществляется в рамках массовых опросов и сравнительных социологических исследований. Индикаторы, характеризующие состояние той или иной его формы, включены практически во все ведущие социальные исследовательские программы, проводимые в мире в последние несколько десятилетий.

Р. Патнэм, анализируя разницу в уровне СК различных штатов США, активно использовал обширную базу моментных и панельных долгосрочных данных. Его оценки основаны на сложном индексе, состоящем из следующих показателей: интенсивность вовлеченности в жизнь сообщества или организации; гражданская активность (например, участие в голосовании); благотворительная и волонтерская деятельность; неформальное общение (например, встречи с друзьями); межличностное доверие. По данным Р. Патнэма, в Северной Италии, где все перечисленные показатели на высоком уровне, наблюдается улучшение показателей работы формальных институтов и органов власти [5]. Его более поздняя работа по исследованию СК США показала, что доверие тесно коррелирует с другими индикаторами – гражданской активностью и социальными связями.

С. Нэк и Ф. Кифер использовали показатели доверия и силы гражданских ассоциаций для 29 стран с рыночной экономикой, чтобы проверить две разные гипотезы о влиянии СК на экономическое развитие: «эффект Олсона» (ассоциации душат развитие путем погони за рентой) и «эффект Патнэма» (ассоциации поощряют развитие путем повышения доверия) [2].

Дж. Темпл и П. Джонсон использовали показатели этнического состава населения, социальной мобильности и доступности телефонных услуг в нескольких африканских странах для определения плотности социальных сетей. На основе взаимосвязанных показателей уровня СК они разработали индекс социального потенциала, который оказался весьма перспективным в объяснении темпов национального экономического роста [26].

В рамках опроса об уровне СК и бедности в Танзании, проведенного при поддержке Всемирного банка, был сконструирован индекс СК в сельском регионе этой страны. В ходе крупномасштабного исследования людям задавались вопросы о масштабах и специфике их деятельности, связанной с разного рода ассоциациями и объединениями, их доверии различным институтам. Это позволило сделать вывод о том, что более высокий СК на уровне сельской общины способствует повышению дохода конкретного домохозяйства [27].

В зависимости от тематики и специфики исследовательских проектов в опросную анкету могут быть включены десятки эмпирических индикаторов уровня СК. Наиболее всеобъемлющим в этом плане может быть интегрированный опрос для измерения СК, разработанный в рамках исследовательской программы Всемирного банка. Он включает в себя несколько разделов и позволяет произвести измерение различных форм и типов СК. Исследование предусматривает изучение многочисленных категорий, характеризующих СК, среди них следующие: социальные группы и организации (членство в группах, ассоциациях, организациях; количество времени и средств, затраченных на их деятельность; характеристика их членов; социальные выгоды от членства); социальные сети (характеристика социальных сетей, в которые включен индивид; количество друзей, возможность их участия в решении личных проблем индивида); доверие и солидарность (генерализованное, межличностное, институциональное доверие); коллективное сотрудничество (участие в коллективных действиях совместно с другими членами сообщества; присутствие элементов группового принуждения, группового поощрения); информация и коммуникация (близость источников коммуникации; использование средств массовой информации; иерархия источников информации; путешествия); социальная сплоченность и включенность (социальная сплоченность; однородность группы; равноправие различных членов сообщества; дискриминация; конфликты; проявление насилия; преступность) [1].

Предпринимаемые ранее попытки создания суммарного индекса СК в настоящее время подвергаются все большей критике аналитиков, изучающих в первую очередь эмпирические данные. К числу основных аргументов относится тот факт, что часто одна форма СК может способствовать повышению эффективности коллективного действия в определенной области, а другая – обладать обратным эффектом. Так, например, С. Нэк и Ф. Кифер пришли к выводу о том, что доверие и социальные нормы существенным образом сопряжены с показателями экономического роста, в то время как членство в свободных ассоциациях с ними практически не связано [2]. Также исследователи отмечают, что более высокие показатели доверия обусловлены улучшением показателей государственного управления (англ. *governance index*), хотя членство в ассоциациях статистически с ними никак не связано [28]. Помимо того, сами формы или элементы СК могут быть независимы друг от друга. По результатам сравнительного анализа многонациональных массивов данных С. Нэк и Ф. Кифер заключают, что членство в свободных ассоциациях само по себе не связано с уровнем доверия и социальными нормами [2]. П. Пэкстон отмечает, что динамика членства в свободных ассоциациях и динамика уровня доверия в США за последние десятилетия существенно различаются [8]. Согласно этой логике СК характеризуется не как комплексный феномен, а как многомерное понятие, структура которого представлена различными измерениями в различных аспектах. К аналогичному выводу приходит и Р. Патнэм, отмечая это в одной из своих поздних работ [29].

Эмпирическая база анализа

В качестве эмпирической базы анализа в статье используются данные исследования «Всемирный обзор ценностей» (англ. *The World Values Survey*),

проводившегося в 1991–2014 гг. Всемирная исследовательская ассоциация объединяет социологов и политологов, изучающих динамику, стабильность ценностей и их влияние на социально-политические процессы в жизни общества. Ассоциация проводит репрезентативные национальные исследования в более чем 100 странах, охватывающих почти 90 % населения мира. Эти опросы показывают, как меняются убеждения и предрассудки, ценности, опасения, нормы и правила, которым люди следуют в повседневной жизни. В целях изучения этих явлений и процессов проведено уже шесть волн исследований (1981–2014). Данные «Всемирного обзора ценностей» – это массив социологических сведений, наиболее часто используемых учеными, журналистами, политиками, а также международными организациями, включая ООН.

В 2014 г. под руководством авторов статьи ассоциация завершила шестую волну исследований, охватившую 60 стран мира. Анкета включала традиционные вопросы (о поддержке демократии и других форм правления; терпимости по отношению к другим национальностям и этническим группам; отношении к гендерному равенству; роли религии и изменении уровня религиозности; влиянии глобализации; отношении к окружающей среде; работе; семье; политике; национальной идентичности; культуре; безопасности; удовлетворенности жизнью и т. д.), а также инновационные блоки вопросов (о безопасности человека, честности выборов, старении и отношении к пожилым людям в обществе и т. д.). Следующая, седьмая, волна исследования запланирована на 2017–2018 гг.¹

Страны постсоветского пространства вошли в исследование «Всемирный обзор ценностей» в 1991 г. и наиболее полно представлены в последней волне. Средний объем выборки составил 1500 респондентов в стране. Более подробная информация представлена в табл. 1. Опрос был проведен в 2011–2012 гг.

Таблица 1

**Выборка для каждой страны в ходе исследования
«Всемирный обзор ценностей»**

Страна	Период исследований, гг.				
	1990–1994	1995–1998	2000–2004	2005–2008	2010–2014
Армения	–	2000	–	–	1100
Азербайджан	–	2002	–	–	1002
Беларусь	1015	2092	1000	1500	1535
Грузия	–	2008	–	2998	1202
Казахстан	–	–	–	–	1500
Кыргызстан	–	–	1043	–	1500
Молдова	–	984	1008	2597	–
Россия	1961	2040	2500	3523	2500
Узбекистан	–	–	–	–	1500
Украина	–	2811	1207	–	1500
Всего	3011	13937	5750	8021	11 839

В качестве индикаторов СК рассматривались переменные, характеризующие различные аспекты этого феномена. Остановимся подробно на каждой из них.

Генерализованное доверие. Этот индикатор измеряется с помощью вопроса: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или, напротив, нужно быть осторожными, имея дело с людьми?» В качестве вариантов ответа респондентам предлагается выбрать одно из двух утверждений: «Большинству людей

¹ Исследования проводятся во всем мире каждые пять лет.

можно доверять» или «Нужно быть осторожным, имея дело с людьми». Доля респондентов, выбравших первый вариант ответа, характеризует уровень СК в обществе. Генерализованное доверие выражает, в какой мере люди могут положиться друг на друга, включая тех, с кем они не знакомы лично. На взгляд А. де Токвиля, индивиды, которые состоят в различных организациях и ассоциациях, в большей степени склонны проявлять доверие и дружелюбие по отношению к незнакомцам. Следовательно, более высокий уровень генерализованного доверия свидетельствует о более высоком уровне СК в обществе [2, 5]. Этот индикатор является одним из основных и наиболее распространенных и используется подавляющим большинством исследователей для измерения СК на национальном уровне.

Следует отметить сравнительно невысокий уровень генерализованного доверия в постсоветских обществах. Так, доля респондентов, отметивших, что людям в целом можно доверять, варьирует в пределах 20–30 %, но при этом значительно различается между странами. Для сравнения: в Австралии этот показатель составляет 51 %, в Китае – 60, Германии – 45, Нидерландах – 66, Швеции – 60 %. Тенденции динамики этого индикатора также отличаются в разных странах. Так, в Германии он уверенно возрастает начиная с 1981 г., в Швеции относительно стабилен весь этот период; в Испании существенно сократился за последние пять лет; в Мексике наиболее высокий уровень генерализованного доверия приходился на середину 1990-х гг., с тех пор показатель продолжает снижаться. В постсоветских странах в 1990-е гг. изменение социального порядка, определившего характер связей между индивидами и институтами, обусловило снижение уровня генерализованного доверия во всех странах постсоветской Евразии. По данным последней волны исследования, наиболее высоким уровень этого показателя является в Беларуси, Казахстане и Кыргызстане (табл. 2). При этом тенденция изменения уровня генерализованного доверия остается негативной в большинстве стран. Только в Беларуси данный коэффициент возрастает.

Таблица 2

**Количество респондентов, выбравших вариант ответа:
«Большинству людей можно доверять», %**

Страна	Период исследований, гг.				
	1990–1994	1995–1998	2000–2004	2005–2008	2010–2014
Армения	–	24	–	–	11
Азербайджан	–	19	–	–	15
Беларусь	25	23	38	41	33
Грузия	–	18	–	20	9
Казахстан	–	–	–	–	38
Кыргызстан	–	–	17	–	36
Молдова	–	22	14	14	–
Россия	35	23	23	26	28
Узбекистан	–	–	–	–	14
Украина	–	29	26	26	23

Следует отметить, что данный индикатор неоднократно подвергался критике социологов за абстрактность. В частности, тот факт, что показатели генерализованного доверия являются довольно низкими в большинстве стран мира и остаются высокими преимущественно лишь в странах Западной Европы и США, заставил ряд исследователей поставить под сомнение измерительный потенциал данного индикатора как основного или агрегированного показателя уровня СК.

То, что в большинстве развивающихся и экономически нестабильных стран отсутствует ярко выраженная взаимосвязь между уровнем генерализованного доверия и темпами роста ВВП, может быть объяснено не столько отсутствием связи между СК и экономическим ростом, сколько спецификой различных аспектов СК, влияющих на общественное развитие.

Членство в организациях и ассоциациях. Этот показатель Р. Патнэм рассматривал в качестве одной из основных форм СК. В ходе своих исследований он определял количество людей, являвшихся активными членами одной или нескольких из девяти предложенных типов общественных организаций и ассоциаций (благотворительных, профессиональных, экологических организаций, политических партий, спортивных клубов, обществ искусства, профсоюзов, церквей и др.). В ходе опроса «Всемирный обзор ценностей» респондентам предлагалось отметить, являются ли они членами аналогичного ряда объединений (табл. 3).

Для анализа мы будем использовать долю активных членов (вариант ответа: «Активно участвую»), мотивируя это тем, что доля неактивных членов (вариант ответа: «Состою, но активно не участвую»), скорее всего, будет включать в себя также тех индивидов, которые не являются членами организации в полном смысле этого слова, однако не хотели в этом признаваться. Помимо того, согласно логике Р. Патнэма, который в своем анализе рассматривал только категорию активных членов, индивиды учатся доверять и разделять общие нормы, а следовательно, и повышают уровень СК в обществе, только в том случае, если активно участвуют в жизни организации и имеют полноценный доступ к такому опыту.

Наиболее высокими показателями членства в общественных организациях являются в Казахстане и Кыргызстане, на втором месте – Молдова и Узбекистан, на третьем – Беларусь и Украина. Чаще всего наиболее активным является членство в религиозных организациях. На втором месте – профсоюзы и политические партии. На третьем – спортивные, а также связанные с искусством и образованием организации. Следует отметить, что особенностью стран постсоветской Евразии являются высокие показатели членства в так называемых «формальных организациях» (членство в которых отражает уровень формального СК). Следуя за Р. Патнэмом [29], к числу таких отнесем общественные организации, членство в которых строго регламентировано сводом правил, деятельность обсуждается на собраниях, обязательных для посещения, сама же структура управляется президентом или председателем. Принимая во внимание, что членство в этих организациях в большей мере, чем в других (добровольных свободных ассоциациях), может быть сопряжено с элементами нормативного участия и социального поощрения (как и социального принуждения), можно говорить о сравнительно невысокой социальной активности населения постсоветских стран и его способности к самоорганизации для достижения коллективных целей. Подчеркнем, что данные для большинства стран были собраны в 2011–2012 гг., т. е. до обострения социально-политической ситуации в регионе. Для дальнейшего анализа мы будем использовать агрегированный показатель активного членства в общественных организациях и свободных ассоциациях.

Институциональное доверие. Уровень генерализованного доверия и членство в свободных ассоциациях, как формы проявления СК, не могут анализироваться в вакууме и нуждаются в институциональной среде для своего функционирования. Так, сообщества, подверженные ненадлежащему обращению или игнорированию со стороны государственных и общественных институтов, могут демонстрировать более высокий уровень самоорганизации, тем самым компенсируя дисфункцию общественных институтов, или же, наоборот, быть подвержены большей атомизации индивидов.

Институциональное доверие отражает степень уверенности респондентов в таких формальных институтах, как органы власти, средства массовой информации, общественные организации, и является разновидностью вертикального (формального) СК. Оно направлено на конкретных акторов и конкретные институты – политиков, общественных деятелей, правительство, организации. Социальные и политические институты, создавая нормативную и эффективную среду, способствующую развитию доверия и гражданственности, тем самым продуцируют более

Членство в общественных организациях и свободных ассоциациях, %

Вид объединения	Страна										
	Азербайджан	Армения	Беларусь	Грузия	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Украина	Узбекистан	
Религиозные организации	1,8	1,4	5,1	6,9	2,9	8,2	12,9	2,0	4,3	2,2	
Спортивные или связанные с досугом организации	0,3	1,1	4,4	0,5	4,1	11,8	6,4	2,4	3,7	1,8	
Организации, связанные с искусством, музыкой, образованием	1,1	1,5	2,9	0,9	4,5	9,3	7,9	1,5	1,5	5,0	
Профсоюзы	1,3	0,6	6,3	0,3	1,8	9,7	6,8	2,0	2,7	1,0	
Политические партии	3,5	2,1	0,5	2,4	6,3	6,3	2,7	0,5	1,1	0,9	
Экологические организации	0,3	0,5	0,3	0,2	1,8	4,3	1,9	0,4	0,3	1,1	
Профессиональные объединения	0,5	1,3	1,7	0,5	1,9	5,5	7,0	1,4	0,7	0,9	
Благотворительные организации	0,9	0,8	1,0	0,1	1,5	9,0	2,5	0,6	0,9	0,7	
Организации защиты прав потребителей	0,4	0,5	0,3	0,1	1,6	5,8	2,1	0,4	0,7	6,2	
Группы само- и взаимопомощи	0,9	0,5	0,8	0,1	2,3	6,9	1,0	1,0	0,8	0,3	
Другие организации	0,3	0,7	1,4	0,2	1,1	5,2	1,0	1,4	0,8	0,6	

Примечания. 1. Приведены данные исследования «Всемирный обзор ценностей» за 2010–2014 гг. 2. Для Молдовы использованы данные за 2005–2009 гг.

высокий уровень СК. Институциональное и генерализованное доверие представляют интегрирующий СК и отражают то, каким образом респондент соотносит себя не только с представителями узкого круга или сообщества, но и с более широкой аудиторией групп и формальных институтов в обществе. Для анализа мы будем использовать средние показатели доверия социальным и политическим институтам в стране, рассчитанные по результатам опроса «Всемирный обзор ценностей».

Характеризуя уровень институционального доверия, сложно обозначить явные тенденции. В большинстве стран этот показатель в среднем находится на уровне 2,5 балла (по 4-балльной шкале). Более высокий уровень институционального доверия характерен для таких стран, как Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан. Более низкий уровень зафиксирован на Украине, в Молдове, Грузии, Армении и России (табл. 4). В целом уровень доверия социальным институтам (церковь, средства массовой информации, телевидение) и организациям (университеты, банки, общественные организации) выше, чем политическим институтам. Интересным представляется тот факт, что наиболее высокий уровень институционального доверия прослеживается по отношению к церкви (Беларусь, Грузия, Молдова, Россия, Украина) и вооруженным силам (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Россия, Украина, Узбекистан).

Как видим, недоверие по отношению к средствам массовой информации в большей степени выражает население России, Беларуси и Грузии. На Украине же доверие к прессе, наоборот, выше, чем к ряду других институтов. Как и во многих других странах, одним из наиболее низких является доверие политическим партиям. На Украине, в Молдове, Армении и Грузии население весьма критично относится к парламенту. Представители бизнеса – крупные компании и банки – вызывают недоверие среди опрошенных в России, Грузии и Узбекистане. Примечательно, что в Беларуси по результатам исследования зафиксированы не наивысшие, но стабильно высокие показатели доверия всем социальным и политическим институтам, предложенным респондентам для оценки. Подобное распределение может свидетельствовать о гармоничном развитии общества и страны как социально-экономической системы.

Для последующего анализа показатели институционального доверия с помощью метода главных компонент были объединены в две группы. Первая группа включает большинство социальных и политических институтов, представляющих общественную сферу, во вторую группу вошли другие организации (табл. 5). Примечательно, что аналогичный анализ данных в других регионах позволяет объединить в одну группу доверие ряду социальных институтов – церкви, средствам массовой информации и телевидению, а во вторую – доверие политическим институтам. Однако в постсоветских странах пресса в сознании населения в большей мере соотносится именно с политическими институтами.

Неформальные социальные сети и формальное доверие. Как уже отмечалось, доверие является важнейшим индикатором уровня СК. При этом разные виды доверия позволяют охарактеризовать различные аспекты СК. Так, возвращаясь к описанной ранее типологии – формального/неформального СК, мы используем различные показатели уровня доверия для их измерения. Для анализа СК в постсоветских трансформирующихся обществах мы считаем подобное разграничение особенно актуальным, так как уровни формального и неформального доверия в этих странах существенно отличаются друг от друга и способны оказывать различное влияние как на общественное развитие, так и на социальное самочувствие индивида. Так, результаты исследований уровня СК в постсоветских обществах показали наличие высокого уровня неформального доверия (членам семьи, друзьям, знакомым) и сравнительно низкого уровня формального доверия (незнакомым людям, институтам) [11]. При этом в постсоветских странах более низкий уровень формального доверия частично компенсируется высоким уровнем неформального доверия: индивиды используют свои неформальные сети для достижения определенных целей в тех сферах, где формальные институты не работают. В то же время более высокий уровень неформального доверия, сформировавшийся в советскую эпоху, затрудняет становление формального доверия в этих странах в эпоху независимости.

Уровень институционального доверия

Институт	Страна											
	Азербайджан	Армения	Беларусь	Грузия	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Украина	Узбекистан		
Церковь	2,32	3,19	2,96	3,48	2,65	2,48	2,95	2,78	3,00	3,30		
Вооруженные силы	3,04	3,44	2,95	3,02	2,87	2,72	2,24	2,74	2,62	3,73		
Средства массовой информации	2,39	2,07	2,28	2,03	2,51	2,56	2,30	2,16	2,45	3,27		
Телевидение	2,64	2,14	2,41	2,12	2,71	2,78	2,48	2,28	2,51	3,40		
Профсоюзы	2,29	1,76	2,38	1,96	2,37	2,54	1,97	2,10	2,23	3,14		
Полиция	2,64	2,16	2,52	2,46	2,48	2,54	2,04	2,12	2,06	3,37		
Суды	2,63	2,03	2,56	2,22	2,47	2,43	2,11	2,16	1,95	3,40		
Правительство страны	3,17	2,18	2,59	2,14	2,94	2,57	1,83	2,40	1,93	3,73		
Политические партии	2,28	1,88	2,21	1,94	2,55	2,44	2,04	1,99	1,88	3,30		
Парламент	2,79	1,95	2,45	2,09	2,76	2,52	1,83	2,12	1,87	3,59		
Государственные учреждения	2,67	2,14	2,72	2,43	2,78	2,63	1,96	2,41	2,31	3,50		
Университеты	2,79	2,56	2,91	2,60	2,71	2,66	–	2,62	2,67	3,45		
Крупные компании	2,54	2,24	2,56	2,27	2,59	2,58	2,25	2,22	2,27	3,13		
Банки	2,63	2,58	2,49	2,09	2,54	2,81	–	2,24	2,09	3,24		
Экологические организации	2,35	2,33	2,73	2,54	2,57	2,56	2,30	2,52	2,50	3,27		
Женские организации	2,41	2,26	2,60	2,59	2,59	2,59	2,37	2,46	2,49	3,43		
Благотворительные организации	2,30	2,48	2,69	2,68	2,59	2,69	–	2,44	2,53	3,22		

Примечания. 1. В таблице представлены средние значения по шкале от 1 до 4, где 1 балл соответствует варианту ответа: «Совсем не доверяю», а 4 – «Полностью доверяю». 2. Приведены данные исследования «Всемирный обзор ценностей» за 2010–2014 г. 3. Для Молдовы использованы данные за 2005–2009 г.

Таблица 5

Факторные нагрузки институционального доверия

Институт	Социальные институты	Общественные организации
Вооруженные силы	.414	.181
Пресса	.517	.244
Телевидение	.561	.227
Профсоюзы	.527	.339
Полиция	.747	.212
Суды	.787	.215
Правительство страны	.825	.205
Политические партии	.761	.273
Парламент	.818	.273
Государственные учреждения	.654	.460
Университеты	.461	.566
Крупные компании	.450	.640
Банки	.513	.538
Экологические организации	.217	.803
Женские организации	.207	.790
Гуманитарные, благотворительные организации	.145	.794

Примечание. Приведены данные исследования «Всемирный обзор ценностей» за 2010–2014 гг.

В рамках исследования «Всемирный обзор ценностей» респондентам предлагалось определить свой уровень доверия ряду социальных групп (табл. 6). Анализ данных, полученных методом главных компонент, позволяет разграничить два уровня, или круга доверия, – внутренний и внешний. Внутреннему кругу соответствует неформальное доверие (членам семьи, соседям, знакомым), а внешнему кругу – формальное доверие (незнакомым людям, представителям другой национальности, религии).

Таблица 6

Факторные нагрузки кругов доверия

Доверие	Формальное доверие	Неформальное доверие
Членам семьи	-.096	.686
Соседям	.174	.783
Знакомым людям	.326	.707
Незнакомым людям	.697	.289
Представителям другой веры	.909	.026
Представителям другой национальности	.895	.051

Примечание. Приведены данные исследования «Всемирный обзор ценностей» за 2010–2014 гг.

Сопоставление уровней доверия показало, что во всех странах неформальное доверие существенно превышает формальное (табл. 7). Наибольшим этот разрыв является в Армении, Кыргызстане, Молдове и Узбекистане. Отличием стран Западной Европы от переходных постсоветских обществ является чрезвычайно высокий уровень доверия друзьям и знакомым. Уровень доверия членам семьи остается высоким во многих странах мира, однако чрезвычайно высокое доверие внутреннему кругу в ущерб внешнему является характерной чертой развивающихся и переходных обществ. Таким образом, изменения в соотношении этих форм СК и, соответственно, в социальных механизмах функционирования общества произойдут тогда, когда индивиды для получения определенных услуг или достижения своих целей будут полагаться не только на свое близкое окружение, но и на социальные и политические институты.

Таблица 7

Уровни межличностного доверия

Страна	Внутренний круг доверия (неформальное доверие)	Внешний круг доверия (формальное доверие)
Армения	3,25	1,79
Азербайджан	2,76	1,79
Беларусь	3,21	2,18
Грузия	3,32	2,23
Казахстан	3,28	2,23
Кыргызстан	3,28	1,91
Молдова	3,19	1,84
Россия	3,25	2,14
Узбекистан	3,43	1,77
Украина	3,29	2,30

Примечания. 1. В таблице представлены средние значения по шкале от 1 до 4 баллов, где 1 балл соответствует варианту ответа: «Совсем не доверяю», а 4 – «Полностью доверяю». 2. Приведены данные исследования «Всемирный обзор ценностей» за 2010–2014 гг. 3. Для Молдовы использованы данные за 2005–2009 гг.

Сопоставив показатели институционального и межличностного доверия, можем отметить, что последние являются значительно более высокими. Таким образом, можно говорить о том, что в постсоветских обществах преобладает

Социальные

Действие	Страна		
	Азербайджан	Армения	Беларусь
Получение государственных пособий, на которые у человека нет права	1,53	2,15	2,81
Безбилетный проезд в общественном транспорте	1,41	1,66	3,77
Кража чужой собственности	1,15	1,37	1,74
Неуплата налогов	1,50	2,08	2,77
Получение взятки	1,31	1,47	2,34

Примечания. 1. Представлены средние значения по шкале от 1 до 10 баллов, где 1 балл введены данные исследования «Всемирный обзор ценностей» за 2010–2014 гг. 3. Для Молдовы

так называемый объединяющий СК, в то время как уровень интегрирующего СК недостаточно высок. Объединяющий СК важен для формирования норм взаимности и мобилизации социальной солидарности на уровне сообществ и малых и средних социальных групп. Этот вид СК формирует плотные неформальные сети, которые обеспечивают важную социальную и психологическую поддержку менее удачливым членам сообщества. Интегрирующий СК, напротив, необходим для установления связей вне группы. Он обеспечивает органичную интеграцию и «диффузию» различных групп и сообществ в обществе. Интегрирующий СК необходим для включения социальной группы или сообщества в общую структуру социетальной системы, что обеспечивает установление доверия к социальным и политическим институтам, гражданскую активность и развитие гражданского общества. Низкий уровень интегрирующего СК свидетельствует о сохранившемся в постсоветских переходных обществах эффекте «песочных часов»: «рядовые» индивиды активно включены в неформальные сети, политическая и экономическая элита формирует аналогичные сети на своем уровне, однако промежуточные связи между этими социальными группами недостаточно развиты. Повышение уровня интегрирующего СК возможно, однако только при условии снижения уровня объединяющего (преимущественно неформального) СК.

Социальные нормы. Для измерения этого показателя СК мы использовали ряд вопросов, в которых респондентам предлагалось оценить, в какой степени они могут оправдать определенные действия (табл. 8). Ответы респондентов были закодированы от 1 («Не могут быть оправданы») до 10 («Всегда оправданы») баллов. Подчеркнем, что чем ниже этот показатель, тем выше уровень данного аспекта СК в обществе. Чтобы избежать статистических и смысловых погрешностей, для анализа мы использовали средние значения ответов респондентов.

Анализ полученных данных показал, что наиболее высокий уровень принятия социальных норм наблюдается в Азербайджане и Грузии. На втором месте – Беларусь, Армения, а также страны Центральной Азии. Одну из последних позиций занимают Россия и Украина, где населению характерно нестрогое соблюдение социальных норм. Наименее же разделяемыми социальными нормами являются в Молдове, где их нарушение приемлемо для значительной части респондентов. Во всех странах отличается степень принятия разных социальных норм. Так, например, наименее приемлемыми для населения постсоветских стран является кража чужой собственности и получение взятки. При этом сложно однозначно определить, свидетельствует ли это об определенном уровне СК и желании респондентов разделять нормы взаимности по отношению к другим людям или является следствием боязни существующих санкций (наказания за нарушение той или иной нормы).

Таблица 8

нормы

Страна						
Грузия	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Украина	Узбекистан
1,78	2,93	3,24	3,27	3,05	2,71	2,66
1,68	3,32	3,21	3,39	3,93	3,50	2,28
1,18	1,95	2,07	–	1,76	1,67	1,54
1,45	2,59	2,52	3,55	3,05	2,59	2,17
1,19	2,10	1,97	2,26	2,09	2,02	1,55

соответствует варианту ответа: «Не могут быть оправданы», а 10 – «Всегда оправданы». 2. Прииспользованы данные за 2005–2009 гг.

Роль СК в социально-экономическом и политическом развитии стран постсоветской Евразии

Принимая во внимание тот факт, что индикаторы отражают различные аспекты измерения СК, мы полагаем нецелесообразным объединять их в один суммарный индекс и рассмотрим роль каждого из элементов в отдельности.

В качестве детерминант, или факторов, социально-экономического и политического развития в анализе будут выступать следующие формы СК:

- неформальное доверие;
- формальное доверие;
- генерализованное доверие;
- доверие социальным и политическим институтам;
- доверие организациям;
- социальные нормы;
- членство в свободных ассоциациях и общественных организациях.

В качестве независимых переменных мы будем использовать показатели, характеризующие общественное развитие стран постсоветской Евразии в оценках их населения, а также некоторые объективные индикаторы:

- чувство счастья (измеряется по шкале от 1 до 4 баллов, где 1 балл соответствует ответу: «Очень счастлив», а 4 – «Очень несчастлив»);
- удовлетворенность жизнью (измеряется по шкале от 1 до 10 баллов, где 1 балл соответствует ответу: «Совершенно неудовлетворен», а 10 – «Полностью удовлетворен»);
- состояние здоровья (измеряется по шкале от 1 до 4 баллов, где 1 балл соответствует ответу: «Очень хорошее», а 4 – «Очень плохое»);
- экономическое благосостояние (измеряется по шкале от 1 до 10 баллов, где 1 балл соответствует ответу: «Наинизшая группа», а 10 – «Наивысшая группа»);
- развитие правового государства (измеряется по шкале от 1 до 4 баллов, где 1 балл соответствует ответу: «Права соблюдаются во всем», а 4 – «Права не соблюдаются вообще»);
- демократичность политической системы (измеряется по шкале от 1 до 10 баллов, где 1 балл соответствует ответу: «Совершенно недемократическая система», а 10 – «Полностью демократическая система»);
- гражданское участие населения (измеряется по шкале от 1 до 3 баллов, где 1 балл соответствует ответу: «Наиболее активное участие», а 3 – «Наименее активное участие»);
- ВВП на душу населения (данные Всемирного банка за 2014 г.);
- эффективность правительства (данные *Worldwide Governance Indicators project* за 2014 г.);
- контроль над коррупцией (данные *Worldwide Governance Indicators project* за 2014 г.).

Результаты свидетельствуют о том, что роль СК как фактора социально-экономического и политического развития стран постсоветской Евразии сравнительно невелика (табл. 9). Это можно объяснить как довольно низким уровнем практически всех форм СК в этих странах (что, безусловно, снижает потенциал этого феномена влиять на другие процессы и явления), так и сложностью трансформационных процессов, для оптимизации которых необходимы более сильные факторы.

Потенциал СК в странах постсоветской Евразии более значителен в аспекте политических процессов и таких феноменов, как эффективность работы правительства, становление демократического режима, развитие правового государства. В отличие от стран Западной Европы существенно более низким является связь СК с индикаторами экономического развития – ВВП на душу населения, показателями борьбы с коррупцией, а также индивидуальным уровнем доходов респондентов. Аналогично невелика роль СК в управлении частной жизнью индивидов: влияние СК на чувство счастья, удовлетворенность жизнью, здоровье респондентов весьма посредственно.

Анализ СК как многомерного явления позволяет оценить воздействие каждого из его аспектов на процесс социальных преобразований в постсоветских обществах.

Таблица 9

Коэффициенты линейной регрессии Бета, характеризующие влияние форм СК на индикаторы социально-экономического и политического развития

Форма СК	Индикатор										
	Чувство счастья	Удовлетворенность жизнью	Состояние здоровья	Экономическое благосостояние	Развитие правового государства	Демократичность политической системы	Гражданское участие (неконвенциональное)	Гражданское участие (конвенциональное)	ВВП на душу населения	Эффективность работы правительства	Контроль над коррупцией
Социальные нормы	–	–	–.031	.087	–	–	.045	.136	.091	.072	.086
Членство в ассоциациях	.071	.063	.056	.099	.037	.030	–.125	.069	–.112	–.147	–.066
Генерализованное доверие	.056	.088	.069	.062	.053	.047	–	–	.093	–.069	–.057
Неформальное межличностное доверие	.058	.044	–	–	–.034	–	–	.098	–.137	–.060	–
Формальное межличностное доверие	.105	–.057	.099	–	–	–	.076	–	.127	.181	.115
Доверие социальным и политическим институтам	.181	.184	.114	.183	.402	.421	–.175	.067	–	–.170	–.214
Доверие организациям	.046	.040	.066	–	–	–.116	.115	.057	–.122	–.068	.046
R (дисперсия)	.069	.067	.044	.064	.159	.133	.038	.049	.065	.114	.060

Наиболее значимой его формой в этих странах является доверие социальным и политическим институтам, которое относится к показателям вертикального СК, характеризующего степень интегрированности индивидов и социальных групп в общество. Более высокий уровень интеграции индивидов в общество способствует успешному функционированию политической системы. Так, можно отметить положительную взаимосвязь между показателями институционального доверия и становлением демократического режима, развитием правового государства. Менее ярко выраженной, но положительной является взаимосвязь институционального доверия и показателей социально-психологического, экономического и (в меньшей степени) физического состояния граждан. Таким образом, можно говорить о положительном влиянии интегрированности индивида в социальную систему и на оценку его жизни на микроуровне. В то же время более низкий уровень институционального доверия сопряжен с активизацией неконвенционального гражданского участия.

Показатели контроля над коррупцией и эффективности работы правительства являются сложными индексами, рассчитанными на основании целого ряда данных. Согласно этому индексу наиболее эффективна работа правительства в Грузии (72 балла из 100), а наименее – в Кыргызстане (19) и Узбекистане (27). Показатели успешности борьбы с коррупцией являются наивысшими в Грузии (75 баллов из 100) и Беларуси (48), а наименее низкими – в Кыргызстане (12) и Узбекистане (11). Вместе с тем, по результатам опроса, именно в Кыргызстане и Узбекистане наблюдаются наиболее высокие показатели институционального доверия. Различность подходов к оценке успешности функционирования политической системы объясняет тот факт, что статистически в ходе анализа связь между уровнем институционального доверия и эффективностью работы правительства и успешностью борьбы с коррупцией была определена как обратная (отрицательная).

Доверие организациям – еще один индикатор вертикального СК – обладает меньшей значимостью по степени влияния на развитие постсоветских стран. Наиболее ярко выражена положительная взаимосвязь между показателями доверия организациям и неконвенциональным гражданским участием. Ее можно трактовать как пример обратного эффекта СК: в постсоветских обществах организации (университеты, компании, банки и т. д.) могут рассматриваться как альтернативный сектор в противовес политическим институтам. Таким образом, наличие дисбаланса между различными формами институционального доверия может свидетельствовать о наличии проблем в развитии общества и способствовать активизации неконвенционального гражданского участия (демонстрации, митинги, акции протеста и т. п.).

Характеризуя другие виды доверия (формальное, неформальное и генерализованное) как формы СК, можем отметить их меньшую значимость в национальном развитии стран постсоветской Евразии, а также в жизни их граждан. Причиной тому могут быть как сравнительно невысокие показатели доверия, характерные для данного региона, так и наличие других факторов (например, материальных), оказывающих более значимое влияние на показатели субъективного счастья, здоровья и удовлетворенность жизнью. Наличие сильных неформальных сетей положительно связано с удовлетворенностью жизнью и чувством счастья индивидов. Также прослеживается положительная взаимосвязь между показателями доверия внутреннему кругу общения и показателями конвенционального гражданского участия. Как было отмечено, отрицательный эффект высокого уровня неформального СК характерен для экономической системы: в странах, где более высокие показатели неформального межличностного доверия, наблюдаются более низкие показатели экономического роста и ВВП.

Наличие социальных норм, разделяемых большинством членов сообщества, способствует оптимизации экономических и социальных транзакций, что, в свою очередь, положительно сказывается на экономическом развитии. Так, по результатам анализа, положительную взаимосвязь можно проследить между показателями принятия социальных норм и экономическим благосостоянием как на микро- (уровень индивидуальных доходов), так и на макроуровне (ВВП на душу населения). Помимо экономического развития, можно отметить положительную связь между социальными нормами и конвенциональным гражданским участием.

Членство в общественных организациях и свободных ассоциациях также может обладать как положительным, так и негативным эффектом для национального развития. Вовлеченность индивидов в деятельность свободных ассоциаций способствует повышению уровня доверия и социальной сплоченности группы, сопряжена с более высоким уровнем удовлетворенности жизнью, чувства счастья, с субъективной оценкой физического здоровья и оказывает положительное воздействие на уровень экономического благосостояния индивида. Показатели членства в организациях и ассоциациях статистически не связаны с показателями политического развития, становлением демократического режима, однако в незначительной степени определяют показатели гражданского участия населения [2, 28].

Таким образом, объем СК в постсоветских обществах по-прежнему невысок, что во многом предопределяет его незначительное влияние на развитие стран постсоветской Евразии. Принимая во внимание специфику СК, отметим, что для повышения его уровня в обществе требуются продолжительное время и определенные изменения в организации социальной системы. Проведенный анализ подтверждает многомерность СК как концепта и явления. Значение показателей доверия в наибольшей мере сопряжено с индикаторами развития политической системы и экономическим ростом. Наличие разделяемых социальных норм оказывает влияние на гражданское участие индивидов и показатели экономического роста. Членство в общественных организациях, находясь на данном этапе развития постсоветских обществ на весьма низком уровне, оказывает – по сравнению с остальными формами СК – наименее значимое влияние на функционирование и развитие социальной системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК (REFERENCES)

1. *Grootaert C., Bastelaer T.* Understanding and Measuring Social Capital: a Synthesis of Findings and Recommendations from the Social Capital Initiative. Washington, 2001.
2. *Knack S., Keefer P.* Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // *Q. J. Econ.* 1997. No. 107. P. 1251–1288 [Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *Q. J. Econ.* 1997. No. 107. P. 1251–1288 (in Engl.)].
3. *Dasgupta P., Stiglitz J.* Social Capital. A Multifaceted Perspective. Washington, 1999.
4. *Rose R.* How Much Does Social Capital Add to Individual Health? A Survey Study of Russians // *Soc. Sci. Med.* 2000. Vol. 51, No. 9. P. 1421–1435 [Rose R. How Much Does Social Capital Add to Individual Health? A Survey Study of Russians. *Soc. Sci. Med.* 2000. Vol. 51, No. 9. P. 1421–1435 (in Engl.)].
5. *Putnam R.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, 1993.
6. *Rose R.* Rethinking Civil Society: Postcommunism and the Problem of Trust // *J. Democr.* 1993. No. 1(1). P. 18–29 [Rose R. Rethinking Civil Society: Postcommunism and the Problem of Trust. *J. Democr.* 1993. No. 1(1). P. 18–29 (in Engl.)].
7. *Smolar A.* Civil Society After Communism: From Opposition to Atomization // *J. Democr.* 1996. Vol. 4 (1). P. 24–38 [Smolar A. Civil Society After Communism: From Opposition to Atomization. *J. Democr.* 1996. Vol. 4 (1). P. 24–38 (in Engl.)].
8. *Paxton P.* Is social capital declining in the United States? A multiple indicator assessment // *AJS.* 1999. Vol. 105, No. 1. P. 88–127 [Paxton P. Is social capital declining in the United States? A multiple indicator assessment. *AJS.* 1999. Vol. 105, No. 1. P. 88–127 (in Engl.)].
9. *Rose R., Mishler W., Haerpfer C.* Democracy and its Alternatives: Testing the Churchill Hypothesis in Post-Communist Countries. Baltimore, 1998.
10. *Badescu G., Uslaner E.* Social Capital and the Democratic Transition. London, 2003.
11. *Rose R., Mishler W., Haerpfer C.* Social capital in civic and stressful societies // *Stud. Comp. Int. Dev.* 1997. Vol. 32, No. 3. P. 85–111 [Rose R., Mishler W., Haerpfer C. Social capital in civic and stressful societies. *Stud. Comp. Int. Dev.* 1997. Vol. 32, No. 3. P. 85–111 (in Engl.)].
12. *Putnam R.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York, 2000.
13. *Bourdieu P.* Forms of Capital // *Handbook of Theory and Research in the Sociology of Education* / ed. by J. Richardson. New York, 1993.
14. *Coleman J.* Social capital in the creation of human capital // *AJS.* 1988. Vol. 94. P. S95–S120 [Coleman J. Social capital in the creation of human capital. *AJS.* 1988. Vol. 94. P. S95–S120 (in Engl.)].
15. *Fukuyama F.* Trust: The Social Values and the Creation of Prosperity. New York, 1995.
16. *Woolcock M.* Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework // *Theory Soc.* 1998. No. 27. P. 151–208 [Woolcock M. Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework. *Theory Soc.* 1998. No. 27. P. 151–208 (in Engl.)].

17. *Inglehart R.* Trust, Well-being and Democracy // In *Democracy and Trust* / ed. by M. E. Warren, Cambridge, 1999. P. 88–120.
18. *Nahapiet J., Ghoshal S.* Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage // *Acad. Manage. Rev.* 1998. Vol. 23. P. 242–266 [Nahapiet J., Ghoshal S. Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage. *Acad. Manage. Rev.* 1998. Vol. 23. P. 242–266 (in Engl.)].
19. *Adler P. S., Kwon S.-W.* Social capital: The good, the bad, and the ugly // *Knowledge and social capital: Foundations and applications* / ed. by E. Lesser. Boston, 2000. P. 89–115.
20. *Portes A.* Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // *Annu. Rev. Sociol.* 1998. Vol. 24. P. 1–24 [Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology. *Annu. Rev. Sociol.* 1998. Vol. 24. P. 1–24 (in Engl.)].
21. *Haerpfer C.* Social Capital in Transition: A First Look at the Evidence // *Czech Sociol. Rev.* 2002. Vol. 38(6). P. 693–720 [Haerpfer C. Social Capital in Transition: A First Look at the Evidence. *Czech Sociol. Rev.* 2002. Vol. 38(6). P. 693–720 (in Engl.)].
22. *Smolar A.* Civil Society After Communism: From Opposition to Atomization // *J. Democr.* 1996. Vol. 4(1). P. 24–38 [Smolar A. Civil Society After Communism: From Opposition to Atomization. *J. Democr.* 1996. Vol. 4(1). P. 24–38 (in Engl.)].
23. *Almond G., Verba S.* *The Civic Culture: Political Attitudes in Five Western Democracies.* Princeton, 1963.
24. *Brehm J., Rahn I.* Individual Level Evidence for the Causes and Consequences of Social Capital // *Am. J. Polit. Sci.* 1997. № 41. P. 888–1023 [Brehm J., Rahn I. Individual Level Evidence for the Causes and Consequences of Social Capital. *Am. J. Polit. Sci.* 1997. No. 41. P. 888–1023 (in Engl.)].
25. *Rothstein B., Stolle D.* *Social Capital, Impartiality and the Welfare State. Generating Social Capital. Civil Society and Institutions in Comparative Perspectives* / ed. by M. Hooghe, D. Stolle. New York, 2003.
26. *Temple J., Johnson P.* Social Capability and Economic Growth // *Q. J. Econ.* 1998. Vol. 113, № 3. P. 965–990 [Temple J., Johnson P. Social Capability and Economic Growth. *Q. J. Econ.* 1998. Vol. 113, No. 3. P. 965–990 (in Engl.)].
27. *Narayan D., Pritchett L.* *Cents and sociability: House-hold income and social capital in rural Tanzania.* Washington, 1997.
28. *Knack S.* Social capital and the quality of government: evidence from the states // *Am. J. Polit. Sci.* 2002. P. 772–785 [Knack S. Social capital and the quality of government: evidence from the states. *Am. J. Polit. Sci.* 2002. P. 772–785 (in Engl.)].
29. *Putnam R.* Social capital: measurement and consequences // *Isuma : Can. J. Policy Res.* 2001. № 2. P. 41–51 [Putnam R. Social capital: measurement and consequences. *Isuma : Can. J. Policy Res.* 2001. No. 2. P. 41–51 (in Engl.)].

Поступила в редколлегию 12.01.2016.
Received by editorial board 12.01.2016.